

ДО ПОСЛЕДНЕГО УДАРА СЕРДЦА!

К 70-летию НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

...МЫ СВОРАЧИВАЕМ на тихую улицу Сочи. (Мы — это я, поэт Сергей Васильев и критик Сергей Кирьянов). Густая южная зелень. Вот и заборчик, и калитка со щеколдой. Улица называется Ореховой. К дому Островского протянута специальная телефонная линия. Входим в сад. Из-за деревьев слышится молодой и взволнованный голос:

— Хлопцы, сюда!

Под густым каштаном на кровати лежит Николай. Он лежит на спине, глаза его раскрыты, он с улыбкой прислушивается к нашим шагам. Его высокий умный лоб тронут легким загаром. Веселый, улыбчивый, жизнерадостный человек!

— Здорово, друзья! Присаживайтесь-ка поближе, чтобы я мог вас лучше ощущать. Так, так... Ну, одного из вас, Ивана, я знаю давно, еще по съездам комсомола. А кто остальные?

— Остальных сейчас нарисую. Ты помнишь цвета: белый, алый, синий, зеленый?

— Отлично помню.

— Ну вот, сейчас вечерет. Алое солнце опускается к синему горизонту. Один из твоих гостей стоит лицом к заходящему солнцу. У него бронзовый загар. Он похож на индейца...

— Вижу, вижу...

Так непринужденно завязывается наш дружеский разговор.

Через несколько минут мы совершенно забываем, что Николай — больной, прикован к постели, потерявший зрение человек. И это от его удивительной жизнерадостности, лучистой улыбки, торпливости в разговоре, любознательности и какой-то внутренней силы и убежденности. Он не говорит: «Мне прочитали», а он говорит: «Вчера я читал газету» или «Завтра я увижу редактора». «Читал», «видел», «увидю» — лексикон здорового человека. Островский в курсе всех политических и литературных событий.

Он нетерпеливо забрасывает нас вопросами, ревниво интересуется мнением о своей книге — нет ли тут скидок на болезнь?

— Нет, книга прекрасна!

— Я хочу, я даже обязан прожить еще три года, чтобы дать нашему юношеству еще одну-две книги... Врачи не учли материала, из которого сделан большевик. Вот почему я так много работаю, много читаю и учусь. Я буду работать до последнего удара сердца. Для меня вторая книга — дело чести! Я буду работать настойчиво и любовно, вкладывая в нее все, что дали мне пятнадцать лет коммунистической жизни!

...Тени деревьев протянулись через улицу. Николай просит перенести его в комнату. Поднимаем койку и бережно несем его по аллее — он шурится, улыбаясь вечернему солнцу.

Мы интересуемся чисто профессиональными деталями труда, тем, как он работает.

— Я диктую. Но вот бывает: проснешься ночью, и в голове какая-нибудь важная мысль, образ,

сравнение. Хочешь записать — не можешь. Попросить кого — спят, жалко будить. И уснуть боишься, чтобы не забыть мысли. Так и терзаешься до рассвета! А теперь мне обещают такой звукозаписывающий аппарат: проснулся, нажал кнопку, высказался — и спи себе спокойно! Но я убежден в одном: вдохновение приходит во время труда. Писатель должен работать во всякую погоду, при хорошем и плохом настроении...

На прощание Сергей Васильев читает свою поэму: Островский слушает с большим вниманием...

Берем свежие главы его нового романа, чтобы прочитать и оценить их.

— Только критикуйте по-настоящему, — требует Николай, — по-большевистски. Молодому писателю лезть вредно. Я должен расти. Помогайте же мне!

★

После своего рекордного перелета Москва — остров Удд экипаж Чкалова, приехав в Сочи, навестил больного писателя на новой даче.

— Вы ведь не знаете, друзья, — горячо заговорил Островский, — но самой моей заветной мечтой было стать летчиком!

— Вот как!

— Да, да, — распалаясь, продолжал Николай. — Я даже в школу пилотов поступил. Даже медицинскую комиссию прошел, да чертов глазник подвел, вредный старик понался: разоблачил, что у меня один глаз совсем не видит... Наше поколение должно стать крылатым. Профессия летчика всегда была моей недостижимой мечтой!

★

В доме Островского устанавливают микрофон. Наш литературный вечер проводится в Летнем театре, его выступление будет передаваться по радио.

В заключение вечера объявляется о выступлении Николая Островского.

Над городом разыгрывается гроза, южный ливень стучит по железной кровле, но в хор разбушевавшейся стихии врывается усиленный рупорами голос Николая Островского. Он говорит о том, как их поколение защищало в годы гражданской войны завоевания Октября, как на танках и в кавалерийских седлах оно рвалось в будущее. Но вот он подходит к самому главному.

— Новому поколению необходимо рассказать о нашем боевом прошлом, показать всю правду, чтоб в последних боях с фашизмом ни у одного из них не дрогнула рука, чтоб молодежь лучше знала, за что на свете надо биться! За столько лет я впервые имею возможность так тесно общаться с аудиторией. Я заверяю, что до последнего вздоха, до последнего удара сердца...

Писатель обрывает свою речь, от волнения он не может больше говорить...

Иван РАХИЛЛО.